

С чего все началось? С того, что меня муж бросил. Да, вот так бывает: прожили вместе больше двадцати лет, но когда на горизонте замаячил серебром наш семейный юбилей — раз! — и все. Заботливая, домашняя, родная, можно сказать, я просто оказалась поставлена перед фактом: уходит. И, разумеется, к молоденькой. Конечно, я уже далеко не та куколка, что раньше была, годы свое сделали, но и не крокодил какой, очень даже многое у меня осталось от прежних времен. Да и муж мой успел завести за нашу совместную жизнь пару-тройку косметических дефектов, так что было бы один-один, как говорится, если бы не одно «но»: мужики-то нынче в цене. И в отличие от нас, баб, и после сорока лет преспокойно могут завести себе молоденькую. Что мой... (простите, не буду выражаться) и сделал. Да, он у меня и раньше погуливал, но я к этому спокойно относилась. Считала, что мужики в ином случае просто теряют голову и начинают думать... ну, каждый знает чем. Так вот, видно, зря я старалась пребывать в

состоянии покоя, потому что в один прекрасный день голова у мужа так и не прояснилась. А может, наоборот. Как знать? Нет, не стала я его судить. Обидно было до чертиков, словами этого не опишешь. А тут еще подруги налетели, как вороны, вдохновенно каркая: «А помнишь, мы тебе говорили»? Говорили, ну и что? У кого-то мужики поубегали из дому, не выдержав скандалов — то есть результат получился тот же самый, что и у меня. А я вот своему скандалов не устраивала, так что, может, хоть вспомнит когда добрым словом.

Короче, вот в такой я оказалась ситуации. Пережила первый шок, вырвелась тайком, разогнала подруг, кого добрым словом, кого веником, но, по-моему, все они остались в твердом убеждении, что я чокнутая. А мне не до того совсем было, чтобы из-за их мнения голову пеплом посыпать. Плюнула я на все их разговоры, одержимая одной-единственной мыслью: разузнать, кто же та самая пассия, ради которой мой благоверный отправил меня в отставку. Интересно, знаете ли, оценить, на кого же тебя, старую галошу, променяли. Впрочем, нет. Стоп! Не такая уж и старая — 43 года. И, если разобраться, то не совсем уж и галоша. Да, подрастолстела, но стройные ножки колесом от этого не загнулись. Да, мелкие морщинки на физиономии завелись, но глаза от этого меньше не стали, и нос у меня не кривой, и губы карандашом подводить не приходится,

потому что и так они удались, немного подкрасить — и просто супер! В общем, товар далеко не последнего сорта, и в моей голове под натуральными блондинистыми локонами даже кое-какие мозги имеются.

Одним словом, чего только моему мужу во мне не хватало — уж не знаю. Но получилось так, что в солнечный день, ранней весной, отпросившись с работы пораньше, я стояла на углу возле высокой ограды, одетая, как заправский детектив, в темный плащ, в темных очках, с шарфом на голове. Стояла и смотрела на двери восточной заводской проходной — муж у меня работает на градообразующем предприятии, на котором и я же тружусь. Так что после расставания совсем было бы мучительно, если бы не тот факт, что предприятие наше огромное, размером с небольшой городок, а работаем мы с мужем в разных отделах, поэтому домой, на свободу, так сказать, мы выходим через разные проходные: я через северную, а он через восточную. Раньше, пока мы жили вместе, имея одну машину на двоих, это создавало определенные неудобства, зато теперь оказалось в самый раз. Вот и сегодня я вышла через свою проходную и ждала, когда он выйдет и поедет за своей пассией.

Дождалась. Вышел, как обычно, одним из первых, предворяя основную массу идущих со смены работяг, огляделся по сторонам, словно почув-

ствовал, что я его караулю. Выбрит, подстрижен, одет соответственно случаю. Мне даже показалось, что я ощущаю аромат его одеколона, хотя на таком расстоянии это и невозможно. Но что поделаешь: рефлекс. Муж мой в основном консервативен, имеет многолетние стойкие привычки, и склонность к одной и той же марке одеколона входит в их число. А у меня его внешний вид (если это только не утренний вид в выходной день — в пузе и в семейных трусах) стойко ассоциируется с этим запахом. Впрочем, от пуза-то мой благовверный попытался избавиться, постройнел. То ли специально на диете сидел, то ли от более хлопотной жизни, то ли просто хуже стали кормить. Ну, в общем, просто медный пятак, начищенный до золотого блеска. Только меня-то не проведешь, я знаю, чего он на самом деле стоит.

И вот, пересек мой неверный супруг площадь, направляясь к своей (а еще недавно — нашей) машине на стоянке. Я, стараясь от него не отставать, поспешила к своей. Точнее, не к своей, а к одолженной на вечер у Ирки, старинной моей приятельницы, эмансипированной мадемуазель. Ирка, единственная из всех, узнав про мою беду, не стала поучать меня, а просто сказала, пожав плечами:

— Туда ему и дорога! Ты-то что расстраиваешься? Квартиру освободил? Самое главное! А на остальное плюнь!

Да, ей-то легко говорить, она мужиков меняет как перчатки, ни к одному из них не успевая

привыкнуть. А может, так и надо жить? Ни расстройств, ни проблем, а чуть только тебя попытались озадачить — с легким сердцем указываешь паршивцу на дверь, чтобы в скором времени найти достойную замену и испытать с ней всю новизну, всю прелесть первых свиданий. Я же, как дура, год за годом добросовестно тянула свою лямку. Вначале прощала милому и тогда еще молодому супругу все его недостатки потому, что была влюблена, а это чувство, как известно, способно завуалировать очень многие дефекты. Потом привыкла, да и некогда стало замечать, что в муженьке плохого, а что хорошего: один за другим появились сын и дочь, и пришлось мне делить внимание и силы уже на троих. Так на трассе «работа—дом» пролетели годы. Дети, еще недавно учившиеся ходить и самостоятельно есть из тарелки, научились и тому, и другому, и потопали в первый класс, а потом повзрослели так стремительно, что я даже не успела этого заметить. И разлетелись из родного гнезда по разным городам. Дочь Юлька живет теперь у тетушки, сестры моего неблаговерного, и учится на юридическом факультете университета, а Димка, самостоятельный мой, живет сам по себе, уже отучившись и работая программистом в крупном концерне областного города. Может, и девушку себе уже постоянную завел? Не знаю точно, мне пока не счител нужным доложить. Он у меня молчун — этим Димка больше в меня, чем в папу.

И оба они с Юлькой домой теперь приезжают лишь изредка, большей частью только на крупные праздники. Так что осталась я после их отъезда с тем, с чего и начинала семейную жизнь: со своим супругом, который, единственный из всех троих, до недавнего времени упорно отказывался взрослеть. Обхаживала я его и берегла как драгоценность, следила, чтоб на работу ходил в чистых рубашках, старалась со стряпней угодить... Да что я перечисляю! Кто сталкивался с этим, тот знает, а кто не сталкивался — так лучше и не надо. Но для меня все эти каждодневные хлопоты о нем, с полным забвением себя, еще до недавнего времени были смыслом жизни. А потом, в один прекрасный день, весь этот мой хрустальный замок рассыпался на миллиард звенящих осколков...

Но я опять отвлеклась! Стараясь не сильно бедить свои душевные раны, чтоб не кровоточили, проскользнула я в Иркину машину, включила зажигание. Машина завелась сразу: Ирка, даром что баба, в технике знает толк и смотреть за ней умеет куда лучше, чем за спутниками жизни. А вот у неблаговерного моего что-то с зажиганием случилось, завелся где-то так с третьей попытки, даже под капот сходил заглянуть с умным видом. Так и хотелось ему свистнуть через дорогу, что бендекс пора менять. Но в итоге справился: видно, глаз у него хороший, раз одним только взглядом помог машине завестись. И вот, тронулись мы в путь: вначале он, а за ним, поотстав

немного, я. Впрочем, того, что он узнает меня, я могла не опасаться: Ирку он никогда не любил, предпочитал с ней не видеться (как и она с ним) и с машиной ее не знаком, поскольку меняет она их едва ли не так же часто, как и своих мужчин. Я потому и попросила машину именно у Ирки. Она дала мне ее без вопросов, зная, что мой семейный гараж опустел, так сказать, вместе с гнездом. Но — держу пари! — если бы она только прознала, с какой целью я прошу ее темно-зеленую красавицу «Ауди» годовалого возраста, то вместо машины получила бы я длинную и темпераментную отповедь, которая наверняка закончилась бы уверениями в том, что я умом тронулась, если, вместо того чтобы радоваться, сбыв залежалый товар с прилавка, таскаюсь еще за ним с никому не понятной целью. Но, как я уже говорила, Ирка никогда меня не понять, потому что она — птица вольного полета, я же — глупая курица, всю жизнь не желавшая знать ничего, кроме своего курятника. Нет, все-таки хотелось бы мне хотя бы на минуту оказаться в небесной канцелярии, чтобы задать там один-единственный вопрос: кто же все-таки из нас с Иркой прав? Но поскольку аудиенции мне там давать никто не собирался, то потащила я вслед за пока еще законным (развод мы не успели оформить) супругом по улицам, запруженным в это время дня машинами, везущими домой закончивших очередной рабочий день моих сограждан.

Слежка моя особым успехом не увенчалась: я не только не узнала, где работает моя юная разлучница, но и ее саму едва не проворонила, потому что села она к моему милому в машину на перекрестке, у светофора. Я лишь в последний момент сообразила, кого именно вижу, и даже лица не успела разглядеть. Запечатлелся в памяти лишь силуэт: стройная, как стебелек, среднего роста, и платиновые кудри до плеч. Да, еще что-то из косметики промелькнуло, не слишком яркое, подобрано со вкусом, ничего не могу сказать. Тут я, надо признаться, несколько приуныла — и из-за своей неудачи, и из-за того, что разлучница оказалась не вульгарной девицей, а вполне симпатичной молодой женщиной (кстати, ненамного старше нашей Юльки).

Проводив голубков, несколько раз притормозивших у магазина, до их дома, я понаблюдала немного из своей машины за тем, как мой неблагодарный, балансируя многочисленными пакетами, ухитрился закрыть машину, а потом двинулся к подъезду вслед за своей пассией, обремененной одной лишь маленькой дамской сумочкой. Вот что любовь-то с людьми творит! А при мне-то и не знал, с какой стороны у хозяйственной сумки ручки находятся. Тяжело вздохнув, я поехала восвояси.

Оставив машину на стоянке у Иркиного дома, где она всегда ее и держит, я пошла к Ирке, чтобы отдать ей документы и ключи, а заодно дого-

вориться о повторном прокате транспортного средства. Подойдя к подъезду, нажала кнопку видеодфона — Ирка была не последним человеком в торговле, даже владела пакетом акций какого-то крупного супермаркета и жила, естественно, не в трущобах.

— Хэлло, Людок! — услышала я беззаботный Иркин голос. — А, заходи, дорогая, гостьей будешь, — Ирка попыталась симитировать грузинский акцент.

Щелчок — и дверь подъезда открылась передо мной. Я поднялась по лестнице, мимо расставленных на площадках кадок с цветами, на третий этаж. Ирка уже ждала меня на пороге квартиры, стройненькая, как девчушка, в стянутом пояском на талии шелковом халатике, переливающимися складками спадающем вдоль стройных бедер, а выше пояса смело открывающем большую часть груди, где, должна заметить, было что показать. От Ирки прямо-таки веяло свежестью и дорогими духами.

— Вот, — протянула я ей с порога ключи. — Возвращаю в незапыленном виде.

— Ну, спасибо, — хихикнула Ирка. — Только через порог вообще-то ничего не дают. Зайди.

Я вошла, по-прежнему протягивая ключи. Ирка взяла их и швырнула на изящный полированный столик в прихожей; у Ирки даже прихожая выглядела почище некоторых гостиных.

— А теперь раздевайся, — потребовала Ирка.

— Ты одна? — неуверенно спросила я, зная, что вообще-то у нее в данный период времени имеется ухажер.

— Одна, как пень среди леса, — заверила меня Ирка. — Мы со Свиридовым разругались. Так что давай отметим это дело — и твое, и мое. А то что-то мне скучно.

— Как разругались? — спросила я, вешая плащ. — Ведь еще вчера...

— А долго ли? — отмахнулась Ирка. — Главное, знаешь ли, чтоб скандал как следует назрел, и тогда все происходит, как при назревшем чирье: малейший укол — и поперло гнусное содержимое. Он мне давно уже намекал, что неплохо было бы вместе зажить. И почему только в кино вечно показывают, что это именно бабы замуж хотят? Черта с два, это мужики, не успев завести любовницу, тут же начинают думать, как бы побыстрее сделать ее дармовой домработницей. А мне оно надо? О себе бы, любимой, успеть позаботиться, да еще ведь пашу на работе как вол и прихожу домой, надеясь, естественно, отдохнуть в тишине и покое. И совсем не вижу радости в том, что у меня дома на диване будет в это время лежать кто-то, вываливать на меня свои проблемы, да еще и ждать, что я приготовлю ему ужин и постираю носки. Ну, в общем, после того, как выяснилось, что у нас с ним диаметрально противоположные точки зрения на совместную жизнь, он мне высказал, что я не женщина, а пу-

стозвон и пустоцвет и что жизнь у меня — просто существование, поскольку нет в ней абсолютно никакого смысла. Как тебе это нравится, а? Это выходит, что если он для меня становится царем и богом — значит, я живу, а если он мне нужен как собаке пятая нога — это я уже, значит, существую, потому что не желаю никого тащить на своем горбу. Нет, ну каково? — бушевала Ирка, уже успев затащить меня в столовую, а также поставить на стол хрустальные фужеры и бутылку замысловатой формы.

— Ир, я... — я попыталась было возразить, но Ирка, не остыв после своего Свиридова, с ходу перебросилась на меня:

— Ты-то хоть из себя не строй! Вот за что тебя люблю — так это за то, что ты в грязи меня никогда утопить не пыталась, не в пример другим моим подруженькам, кошкам двуличным. Меня осуждают, а главное, сами-то с радостью точно так же зажили бы, если б только возможность была. Так что иди, мой руки! Полотенце знаешь, где искать.

Поняв, что Ирке необходимо выговориться, я смирилась. Села за стол. Чокнувшись с ней, я опрокинула в себя какое-то дорогое марочное вино. Вообще-то я не пью (одним словом, дама, идеальная во всех отношениях), но сегодня наглядно поняла, что значит фраза «горе залить». Иркино вино так на меня подействовало, что нервы мои, в последние дни сжатые в тугой комок, расплелись в тонкое кружево. Окружающие пред-